

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 194 (7879)

15 июля 1939 г., суббота

ЦЕНА 10 КОП.

А. П. ЧЕХОВ

(К 35-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

Тридцать пять лет назад — 15 июля 1904 года — скончался замечательный русский писатель Антон Павлович Чехов.

Он умер, далеко не достигнув старости, — на сорок пятом году жизни. Смерть застигла Чехова в самом расцвете его гения. Он жил планами будущей работы, и сильнее чем кашель тревожила его мысль о том, что болезнь мешает ему видеть и наблюдать русскую жизнь с доступной ему ранее полнотой.

Однако и то, что успел сделать этот удивительный художник, на которого многие старались походить, но который сам не походил ни на кого, было полно глубокого, непреходящего значения.

Читая некоторые ранние рассказы за подписью Антонии Чехонте — «Ванька», «Устрицы», «Тапер», «Маска» — с недоумением думаешь о том, как они могли появиться в каком-нибудь «Развлечении» или «Будильнике» по соседству с плоскими каламбурами и фивольными рисунками. — столько в этих рассказах нескрываемого грустного, а почас и трагического.

Однако и грусть и печаль Чехова были далеки от пессимизма. Наоборот, потому Чехов и был уже на заре своего писательского труда так чуток ко всему несправедливому и уродливому в русской жизни, что самую эту жизнь он любил очень крепко и верил в нее всей силой своего сердца. Глубоко знаменательно, что, когда молодой писатель решил вновь дебютировать — уже не в мелкой юмористической прессе в качестве Антонии Чехонте, а в большой литературе в качестве Антона Чехова, он написал такое произведение, как «Степь».

Эта повесть является подлинной поэмой любви к родине, к ее красоте и просторам, поэмой о надеждах и мечтаниях народа, поэмой о счастье, которого может и должно хватить на всех, кто живет и трудится на этой земле. Оптимизм «Степи» был глубоким и чистым выражением патристизма поэта, патристизма народного, не имевшего ничего общего с претензиями на «истинный патристизм» консерваторов или либералов.

Вот почему «Степь», внешне казалось бы столь далекая от сурового мира Щеринской сатиры, так восхитила автора «Пошехонской старины». Не уловил ли Щерин лучше многих присяжных критиков эту прекрасную в своей правдивости повесть родине, не угадал ли он в молодом, еще непризнанном Чехове то **чувство ответственности перед родиной**, которое руководило самим Щеринным и без которого нет и не может быть истинно художественного творчества?

Вспомните чудесные чеховские очерки «Из Сибири», где Чехов, рисуя печальные картины бездорожья, безлюдья и бескультурья царской России, в то же время с полным восхищением описывает сибирские реки и леса, описывает их не как проезжий человек, не как турист, а как гражданин своей страны, как горячий патрист. И эта же повесть, иногда более заглушенно, но всегда одинаково искренне и глубоко, звучит даже в таких печальных повествованиях Чехова о тяжелых судьбах народа в призрачной самодержавной стране, как «Мужики» и «В овраге».

Любовь Чехова к родной природе нераздельна с его любовью к человеку. Потому собственно и любил Чехов так сильно русскую природу, что среди нее жил народ, чьи судьбы волновали писателя, чьи образы он рисовал с такой сердечной нежностью, болью и надеждой.

Так, наряду с идеей родины, воплощенной в образах прекрасной природы, зарождалась и другая основная творческая идея Чехова — идея о величайшей ценности человеческого материала и о преступности всего, что этот материал портит и губит, превращает людей в равнодушных, сытых мешан, в обывателей с «обсосанными крыльями», или же толкает их на путь уничтожения самих себя. Этой драме развращенного и загубленного тогдашней российской действительностью человеческого материала, загубленного бессмысленно и жестоко, Чехов посвятил десятки своих рассказов и повестей и целый цикл пьес — от «Иванова» до «Трех сестер».

Но сожаление о загубленном человеке было у Чехова мужественным, свободным от малейшего налета сентиментальности. Сожалея, он оставался **требователем к человеку**, ставил перед ним большие и высокие задачи, призывал к неустанным творческому труду.

Между тем внешняя мягкость, в которую облакал почас писатель свое требовательное отношение к человеку, принималась за готовность автора разделить бледные чувства и вялые мысли изображаемых им мешан и обывателей. Либеральная критика ухватилась за эту внешнюю мягкость, объявила Чехова певцом сумерек и чем-то вроде брата милосердия у постели российской интеллигенции. Даже такой читатель Чехова, как Лев Толстой, исключительно высоко оценивавший его талант, полагал, что Чехов благословил героиню своего рассказа «Душечка». Однако прав был не Толстой, а Владимир Ильич Ленин, который, уловив сатирический смысл образа Душечки, использовал этот образ в борьбе с идеологией оппортунизма.

Писатель, называвший людей мужественного деяния, людей благородного подвига «нужными как солнце», — этот писатель никогда не хотел быть «певцом сумерек». Не мягким и нежным певцом дореволюционного прошлого, а суровым его обвинителем был Чехов.

С беспощадной прямотой писал Чехов о нищете и страданиях народных масс, о власти унтервентов Пришибеевых и деревенских кулаков Цыбукиных, о власти

«цивилизованных» капиталистов, о непосильном труде рабочих, об эксплуатации детей, о преступном равнодушии чиновничества.

«Крепостного права нет, зато растет капитализм. И в самый разгар освободительных идей, так же, как во времена Батых, большинство кормит, одевает и защищает меньшинство, оставаясь само голодным, раздетым и беззащитным».

Так говорил один из героев чеховской повести «Моя жизнь». С мужеством полнокровного художника-реалиста вглядывался Чехов в изнанку капитализма и о ней писал, ничего не скрывая и ничего не приукрашая. «Мужики», «В овраге», «Случай из практики» — это настоящие обвинительные акты, предъявленные художником капитализму. И недаром как раз эти произведения так часто обходились либеральной критикой, стремившейся представить Чехова писателем, чье внимание обращено не на страдания народные, а почти исключительно на переживания обывателей, путешествующих, по выражению Толстого, от дивана до чулана.

Писатель-реалист, продолживший в русской литературе дело Гоголя, Тургенева и Толстого, создавший новые, оригинальные и вместе с тем подкупающие своей простотой приемы мастерства, Чехов нарисовал широкую картину российской действительности, пропитанную мыслью о будущем, мечтой об освобожденной стране.

В «Человеке в футляре» Чехов сказал ясно о необходимости покончить с миром лжи, трусости и угнетения.

«Сносить обиды, унижения, но смей открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей... и все это... из-за какого-нибудь чинишка, которому грош цена, — нет, нет, больше жить так невозможно!»

Так писал Чехов в «Человеке в футляре».

А в своем последнем, предсмертном рассказе Чехов устами революционно-настроенного литографа Саши сказал о том, что «главное — перевернуть жизнь».

Эти слова умиравшего писателя были словами о революции. Бо Чехов не только ждал, — он ее и звал. Российская действительность была для него обреченной, и, прощаясь с ней, Чехов не чувствовал ни грусти, ни сожаления. Пусть несколько наивными, но искренними голосами новых для Чехова героев — и таких, как Аня из «Вишневого сада», Надя и Саша из «Невесты», Чехов приветствовал будущее, что несло обновление и молодость его родине.

Лучшие современники Чехова ценили его высоко и угадывали подлинное его значение в борьбе с царизмом.

И если для народника Михайловского «Палата № 6» была повестью о больничных беспорядках, то совсем иначе воспринял эту чеховскую повесть Ленин. В воспоминаниях А. И. Ульяновой-Елизаровой записан отзыв Владимира Ильича о «Палате № 6»:

«Говоря о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведенном им, — Володя вообще любил Чехова. — он определял всего лучше это впечатление следующими словами:

«Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6».

Любовь к Чехову Ленин сохранил на всю жизнь. Он в немногие короткие часы отдыха охотно брался за томик Чехова.

Более всего ценя в литературе правду, простоту и мужественное, честное отношение к действительности, Ленин находил в Чехове именно эти черты, видел в Чехове писателя, чье творчество заключает в себе объективное революционное значение.

Другим современником Чехова, до конца угадавшим смысл его творчества, был Горький. Еще в молодые годы выступивший с замечательными статьями о Чехове, Горький после смерти Антона Павловича, писал:

«...никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мешанской обывщины».

Его врагом была пошлость; он всю жизнь боролся с ней, ее он осмеивал и ее изображал бесстрастным, острым пегем...

Говоря же о чеховском мастерстве, об удивительном чеховском языке, Горький называл Чехова незабываемым стилистом, создателем русского литературного языка наравне с Пушкиным и Тургеневым.

Вымирают и забываются в нашей жизни люди, которых Чехов избирал своими героями, но сам Чехов — великий писатель, тонкий, обаятельный художник, чья поэзия не только прочитана правдой, но, собственно, и есть сама эта правда — оказался нужен и дорог революционной стране.

Образы Чехова встречаем мы и в выступлениях товарища Сталина. В статье «Головокружение от успехов» товарищ Сталин назвал попытки вовлечения крестьянства в колхозы чиновничьи и административными методами «политикой» унтера Пришибеева, не имеющей ничего общего с политикой партии. А на XVI партийном съезде, говоря о презренных вежаках правой оппозиции, товарищ Сталин упомянул чеховского учителя Бедикова: «... Он боялся, как чумы, всего нового, всего того, что выходит из обычного круга серой обывательской жизни...»

Чехов ощущается нами как наш друг, как живой участник нашей борьбы за культуру, за чистоту человеческих отношений, за подлинный гуманизм, за счастье народа, за расцвет его неисчерпаемых творческих сил.

А. РОСКИН.